

УДК 304.3+930.2+929.52

И.В. Киселева¹

**ГЕОЛОГИ И ИХ БЛИЗКИЕ В ОРУЖЕЙНОЙ СТОЛИЦЕ
(ТУЛА. 60 - 70-е годы XX века. ТОКАРЕВЫ)²**

Ракетно-космическая корпорация «Энергия» имени С.П. Королева

I.V. Kiseleva

**GEOLOGISTS AND THEIR LOVED ONES IN WEAPON CAPITAL
(TULA. 60 - 70s of the XX century. TOKAREVS)**

PAO S.P. Korolev Rocket and Space Corporation Energia

Аннотация: Статья является составной частью публикации под общим названием «Геологи и их близкие в оружейной столице». Рассказывает о жизни, бытовых условиях, интересах жителей одного из тульских домов, построенного в начале 60-х годов XX века и первоначально подведомственного ЦНИГРИ (Центральному научно-исследовательскому геологоразведочному институту). Представляет интерес с точки зрения истории повседневности, детства, краеведения.

Ключевые слова: Тула, Центральный научно-исследовательский геологоразведочный институт цветных и благородных металлов, Пушкинский проезд, геологи, взрослые и дети, 60-70-е годы XX века, Токаревы, Вольфрам.

Abstract: The article is an integral part of the publication under the general title "Geologists and their loved in the weapons capital". He tells about the life, living conditions, interests of the inhabitants of one of the Tula houses, built in the early 60s of the twentieth century and originally subordinated to TsNIGRI (Central Research Institute of Geology and Exploration). It is of interest from the point of view of the history of everyday life, childhood, local history.

Keywords: Tula, Central Research Geological Prospecting Institute of Non-Ferrous and Precious Metals, Pushkinsky passage, geologists, adults and children, 60-70s of the XX century, Tokarevs, Wolfram

Дед, Токарев Михаил Андреевич (1896 -1938)

Наша фамилия – Токаревы – тульская. Предки из села Вёнев-Монастырь Веневского уезда Тульской губернии. По деревенским преданиям, здешний помещик одних крестьян

¹ Киселева (Токарева) Ирина Вольфрамовна, родилась в 1962 г. Образование высшее – МГУ им. Ломоносова. Работает в Ракетно-космической корпорации «Энергия» в г. Королеве программистом. Проживала с родителями по адресу: Тула, Пушкинский проезд 4-Б, 3 подъезд, 5 этаж.

² Материалы научно-практической конференции «Тульский край в XX веке: достижения, тенденции и судьбы. К 85-летию образования Тульской области». ТулГУ, 15 июня 2023 года.

отпустил работать в Тулу, на заводы, а других оставил в дворне. И полдеревни стали Токаревы, а полдеревни Поваровы. В 60-х годах мой папа еще застал в Венев-Монастыре топоним Андреев луг в честь нашего прадеда. Сам прадед в 1910-х годах отправил из деревни в Москву, работать банщиками, подросших сыновей – Михаила и Василия. Но началась I мировая, мой дед Михаил ушел воевать... и к 1919 году мы знаем его уже красным командиром, поступившим учиться в Военно-техническую академию РККА. Где он и встретил мою бабушку.

Бабушка, Токарева Евгения Борисовна (1904 - 1976)

17-летняя еврейская девочка Башела (Женя) Перчик в 1920 году приехала из Херсона в Москву – учиться. Попала на митинг, где агитировали молодежь учиться военному делу, и поступила... на Пулеметные курсы по подготовке командного состава РККА (единственная женщина среди Кремлевских курсантов). Закончила, успела повоевать (участвовала в штурме Кронштадта), и пошла учиться дальше – в Военно-техническую академию РККА. В 1922 году война закончилась, женщин из армии демобилизовали, и доучивалась она на

**Токаревы. Михаил, Евгения,
Вольфрам**

гражданке. Но в ее жизни уже был Михаил Токарев. И летом 1923 года Военно-техническая академия крестила их сына: «Пусть будет стоек, как Вольфрам, защищая завоевания революции!» (они как раз изучали вольфрамовые сплавы).

...Дед стал военинженером 1-ранга и начальником строительства нескольких укрепрайонов под Ленинградом и Мурманском (в том числе, на Ораниенбаумском пятачке). Расстреляли его в 1938. Бабушка работала начальником цеха на ленинградском заводе Электроаппарат, ее пока не тронули.

Папа, Токарев Вольфрам Михайлович (1923 - 1993)

А мой папа Вольфрам Михайлович («Волька» – навсегда) в 12 лет пошел в геологический кружок Дворца пионеров, и влюбился в геологию, тоже навсегда. Впервые пошел в поле в 13 лет. Всерьез – рабочим геологической партии на всё лето – в 14. В 1940 году поступил в Ленинградский Горный Институт.

Война застала его на полевых работах в Карелии, обратно в Ленинград они пробрались уже через линию фронта. Служить папу отправили недалеко – защищать

Ленинград. Иногда он пешком ходил с фронта в город в попытке подкормить из солдатского рациона голодающих профессоров Горного. Его мамы в Ленинграде уже не было, ее арестовали в сентябре 1941, когда надо было найти виновных в бомбежке Бадаевских складов. Справедливости ради замечу: в блокадной тюрьме их, хоть плохо, но кормили, потом вывезли по Дороге жизни. Как бабушка в лагере, оставаясь зэчкой подконвойной, стала главным технологом строящегося в Большом Истоке под Свердловском военного завода – отдельная история.

Токарев Вольфрам Михайлович

Много лет спустя, разглядывая папин военный билет, я спрашивала: «Папа, а вот «разведывательно-диверсионный отряд» – какие диверсии вы устраивали?» «Да какие диверсии!» – говорил мой добрый папа – «Так, ползали ночью в немецкие окопы. Немцев резать. За еду.» Папа воевал полгода, потом тяжелая контузия, паралич, больше года госпиталей. Когда его вывозили из Ленинграда по той же Дороге жизни, он весил 46 кг (при росте 178 см). Здоровье восстанавливалось медленно, в действующую армию не брали, послали работать по профессии – искать молибден в Средней Азии. Заработанная там малярня трепала его еще несколько лет.

После войны папа вернулся в Ленинградский Горный. Ну, как вернулся – полгода учился, полгода работал, в основном начальником геологических партий. Однажды не успел вовремя выехать с севера, зимовал. В геронтократические 70-е он вспоминал-удивлялся: «Как это нам, студентам (фронтовикам, впрочем) доверяли водить по северу партии в 1000 человек (500 вольняшек, 500 зэков)?»

В очередной приезд с севера, веселый и богатый, он ходил по общежитию, и встретил маму...

Мама, Токарева Мария Романовна (1924 - 2005)

Мама родом из Забайкалья, из-под Нерчинска. Это Даурия, почти граница с Китаем, где забайкальские казаки и ссыльные всех наций женились на местных бурятках. И у мамы бурятской крови – минимум четверть. Маруся Артамонова была девушкой сильной, гордой, с отличным зрением и твердой рукой. После школы пошла на курсы снайперов, получила звание младшего сержанта, и поехала с такими же девчонками через всю страну на фронт.

На очередной пересадке выстроили их перед вагоном и какой-то покалеченный уже командир спросил: «А сколько вам лет?» – «Восемнадцать... Семнадцать...» Выругался командир, и разогнал их по госпиталям санитарками. Год был уже 1943, а не 1941.

Впрочем, навыки сохранились, и в мирной жизни мама была КМС по стрельбе.

В 1944 мама поехала во Владивосток – поступать в мореходку «на капитана дальнего плавания». В мореходку ее не взяли, мама злая шла по городу и увидела объявление о наборе студентов в эвакуированный тогда Ленинградский Горный, в том числе на специальность «Маркшейдер – горный штурман». Ах, штурман?!

Так в 1946 году мама оказалась в послеблокадном Ленинграде, в общежитии Горного института, где ее и нашел папа. Первое, что он сделал – переименовал ее из Марии в Марину, до конца жизни все ее так и звали. Второе – попытался жениться, но мама отказывалась менять свою фамилию Артамонова на какую-то Токареву. Трижды они играли свадьбу, только на третий раз удалось достаточно ее напоить и довести до ЗАГСа.

Токаревы. Вольфрам, Марина

Якутия и Сибирь

Когда пришло время распределения, выяснилось, что у папы так называемые «минусы» – как сыну врагов народа, ему запрещалось жить в крупных городах и приграничных районах. Мечта о работе на Камчатке разбилась, но Сибирь необъятна, и Якутией забайкальскую маму не испугаешь. 13 лет их носило по Якутии и Сибири, мы с братьями родились за тысячи километров друг от друга: брат Миша (назван в честь деда) – в селе Мухтуя (сейчас это город Ленск) в Якутии (алмазы), брат Женя (в честь бабушки) – в Нерчинске (золото), я – в поселке Елань под Новокузнецком (руды). Маркшейдером мама долго не пробыла, вскоре после войны женщинам запретили работать в шахтах, и мама стала геодезистом. У папы было много всяких историй: падение в тайгу на самолете, попытка утонуть на порогах, потерянный и найденный рюкзак, набитый деньгами (зарплата всей партии) ...

В 1952 году папу посадили за растрату – больше положенного заплатил рабочим, чтобы быстрее пробили шурфы (и себе заплатил). Были еще в ходу сталинские безумные

сроки, приговорили его к 25 годам. Впрочем, скоро опомнились, снизили срок до 10 лет, потом до 5. Отсидел папа в итоге меньше двух лет, вышел по той самой амнистии «холодного лета 53».

Нравы в Якутии были проще, чем в России. Полный стол геологов гуляет – исполнилось 6 месяцев брату Мише – приезжает черный воронок, забирать папу, но: «Мужики, видите: сыну, первенцу, полгода, дайте допраздновать!» Мужики согласились, сели за стол, и до утра пили с геологами. Утром увезли.

Тогда принято было направлять эков работать в геологические партии (с охраной, конечно). И среди новых папиных «коллег»-эков хватало тех, кто раньше работал под его началом. Будь папа сволочью – пришлось бы ему в лагере несладко, но начальником он, видать, был справедливым, и отсидел свои два года благополучно. И тоже работал по геологической части.

В 1953 году папа вернулся, первым делом набил морду тем, кто пытался обижать маму. Вторым делом они родили моего брата Женю. Кочевание по Сибири продолжалось. Я родилась в 1962 году в геологическом поселке под Новокузнецком. Папа сидел перед проходной с ящиком водки и бочонком соленых огурцов, и наливал всем идущим на работу – за дочку Ирочку.

Тула. Дом 4-б.

Родителям было уже под сорок, они решили перебраться в центр. В Туле в это время создали Тульскую комплексную Экспедицию ЦНИГРИ, строили дом, и родителям на семью с тремя детьми обещали 3-х комнатную квартиру.

Когда в 1963 году они приехали в Тулу, и ехали с Московского вокзала по Красноармейскому проспекту, мама вздохнула: «Ты же обещал привезти меня в город...» Красноармейский был тогда деревянно-одноэтажным.

В новой пятиэтажке на Пушкинском проезде мы поселились на 5 этаже 3 подъезда. Дом, почти полностью заселенный геологами, жил весело. У нас часто были застолья человек на 10-20, с гитарой, с геологическими байками, и разговорами про работу. Когда я читала, что у них – там, на Западе – не принято на праздниках говорить о работе, я искренне не понимала: а о чем тогда? В работе был смысл и интерес их жизни. Приезжали знакомые геологи со всей страны, гости оставались ночевать – пусть даже и на полу. Стулья и столы регулярно собирали по соседям.

За столом собирались не только геологи, много среди знакомых было врачей, преподавателей Пединститута. В 70-е папа задружился с тульскими писателями. Помню застольные разговоры о том, что «Лаврик утащил Кузнецова». (Анатолий Кузнецов умер в

Лондоне через три дня после смерти Александра Лаврика. Невозвращенчество Кузнецова дорого стоило многим в Туле: сняли не только главу писательской организации Лаврика, но и первого секретаря тульского обкома, и начальника тульского КГБ).

А в книжке Натальи Парыгиной «Я вернусь! Неудачные каникулы» появился геолог Вольфрам Михайлович с женой-монголкой.

1969 год

Детей в доме 4-б было много, дружили по возрасту, по подъезду, потом по школе. Носились на свободе. Даже я – толстая девочка в очках, знала все окрестные проходные дворы, лазила по чердакам и крышам гаражей у помойки. Дом наш стоит на спуске от Гоголевской улицы к Пушкинской, двор идет под уклон. Весной там неслись ручьи с нашими корабликами, а зимой – какой кайф был лечь пузом на санки, оттолкнуться заледеневшими рукавицами, и катиться вниз – вдоль всего дома, мимо родительской работы – Экспедиции, вдоль безымянного сквера – до Драмтеатра.

Драмтеатр строили при нас. Музы (скульптурные украшения) в деревянных ящиках лежали на земле, казались огромными. У одной высывалась ладонь – размером с зонтик. Памятник Л.Н. Толстому (получилось, что, вроде бы, идущему на ликеро-водочный завод), тоже поставили при нас. Ходили слухи, что сначала он шел босым, но это не понравилось начальству, и скульптор налепил на босые пальцы ботинок.

У всех соседей дома были камни и книги. Много книг, у нас я насчитала больше 10 тыс. томов – от собраний сочинений до тонких переводных книжек в бумажных обложках – приключения и путешествия, папина любовь.

Быт отнимал много времени. Мама то стирала, то гладила, то строчила на швейной машинке «Тула» – салатный хайтек 60-х. Еду добывал папа: ходил в пять утра на ул. Первомайскую к бочке за молоком и ездил в Москву с большущим геологическим рюкзаком за мясом, колбасой, сыром, маслом и шоколадными конфетами. В конце 70-х под Тулой начали разводить нутрий на мех, их мясо появилось на рынке. Стоило оно 3 руб. за килограмм (свинина была по 6 руб.) Наша семья очень полюбила «зверя». Я до сих пор считаю мясо нутрии самым вкусным.

Тула. Работа.

Приехав в Тулу, папа защитил диссертацию по золотоносности Русской равнины (незадолго до этого безликим названием «ЦНИГРИ» заменили романтическое «НИГРИЗолото»), и к 70-м годам нашел работу мечты. Тогда приняли решение строить в Москве Всесоюзный геологический музей (государственный геологический музей был в Ленинграде, в Москве только отраслевые). И папа стал собирать для него коллекции минералов.

Отдел назывался «Сектор типизации руд и минералов», базировался в районном г. Богородицке. Там были склады для коллекций и сотрудники для камеральной работы. А папа ездил в командировки по всему Союзу – в местные геологические организации – выяснять, что те могут дать для музея, отбирал образцы, общался с сотнями людей, был счастлив...

Папа был очень коммуникабельным человеком. Под новый год он покупал и подписывал по триста открыток, и получал столько же.

Несколько раз он брал в дальние поездки меня – показать мою сибирскую родину, Дальний Восток, Камчатку.

Все рухнуло в перестройку. Музей не построили, сектор закрыли, где коллекции – я не знаю. Надеюсь, что в московском музее ЦНИГРИ.

... Мама в Туле очередной раз сменила специальность – выучилась на минералога, и следующие 25 лет смотрела в микроскоп – занималась минералогическим анализом шлихов. Мама, с ее художественными наклонностями, собирала красивые камни и кораллы, выращивала большие ярко-синие кристаллы медного купороса, резала, шлифовала и окрашивала в меду агаты, делала подвески из поделочных камней. Правда, настоящим ювелиром она не стала, а были среди геологов и такие – у меня хранятся украшения из серебряной скани с камнями, которые делал ее коллега Рудь.

В 54 года выяснилось, что для максимальной пенсии у мамы не хватает одного года северного стажа, и она – легко – уехала на год работать на Дальний Восток.

10 класс я заканчивала в затихшей квартире – мама в Партизанске, папа по командировкам, братья женились и разъехались. Да и во всем доме жизнь поменялась. Одни геологи уехали «на севера», переехали в другие города, другие семьи получили новые квартиры в Туле, кто-то просто состарился. Кипучая жизнь дома 4-б по Пушкинскому проезду затихала.

Маму выставили на пенсию в 65 лет (она сопротивлялась). Папа так и работал до конца – умер он на лету, в Архангельске, когда бежал на поезд возвращаться из командировки. На поминках было человек сто, поминки были в три захода в двух соседних

квартирах. Мама прожила без папы еще 12 лет. Сейчас в нашей квартире живет их внучка с семьей, двое правнуков.

Токаревы, Тула, 1972 год

...Нет больше старых проходных дворов возле нашего дома. Стерлась «чура» на стене у третьего подъезда – она прожила лет сорок, но сейчас дети перестали играть на улице в прятки. Спилили тополя нашего детства, но жива одна из вишен, посаженных моей бабушкой в 1963 году у трансформаторной будки. И только магазин «Геолог» в здании бывшей Экспедиции ЦНИГРИ напоминает о прошлом. Эта страничка истории Тулы закрыта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Документы семейного архива Токаревых.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Трегубов Н. Л. Тульская символика на региональных медалях 60-80-х годов XX века // Тульский краеведческий альманах. Вып. № 13. 2016. – Тула: Тульский полиграфист. – 179 с. – С. 100 – 109.
2. Иванова Ю. В. Современные тульские краеведческие издания: тенденции и проблемы // Тульский краеведческий альманах. Вып. № 13. 2016. – Тула: Тульский полиграфист. – 179 с. – С. 158 – 166.

REFERENCES (transliteration)

1. Tregubov N. L. Tul'skaya simbolika na regional'nyh medalyah 60-80-h godov XX

veka // Tul'skij kraevedcheskij al'manah. Vyp. № 13. 2016. – Tula: Tul'skij poligrafist. – 179 s. – S. 100 – 109.

2. Ivanova YU. V. Sovremennye tul'skie kraevedcheskie izdaniya: tendencii i problemy // Tul'skij kraevedcheskij al'manah. Vyp. № 13. 2016. – Tula : Tul'skij poligrafist. – 179 s. – S. 158 – 166.

Рецензент: Крапивенцева Мария Борисовна - канд. ист. наук, хранитель ФГБУК «Тульский государственный музей оружия».